Н.В. Боронникова
Пермский государственный университет
Е.В. Верижникова[*]
Московский государственный университет

О КОММУНИКАТИВНОМ СТАТУСЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

(на примере турецкого междометия *аман*)[**]

В статье рассматриваются семантика и функционирование междометия *аман*, заимствованного в македонский язык из турецкого. На основе сопоставления значений междометия в ранний период существования литературного языка и на современном этапе его развития делается вывод о его коммуникативном характере и модификации его семантики в зависимости от контекста, стилистического характера текста и коммуникативных интенций говорящего.

Широко известно, что македонский язык распространен в центре Балканского полуострова, где сложилась уникальная конвергентная группа, возникшая на базе многовекового взаимодействия множества языков. Это так называемый Балканский языковой союз (БЯС), объединяющий генетически неблизкородственные языки (балкано-романские, албанский, болгарский, македонский, новогреческий и ряд говоров сербского) (о БЯС см.: Асенова, 2002; Десницкая, 1979; Нерознак, 1991).

Македонский язык, как отмечает Р.П. Усикова, считается одним из наиболее балканистичных, поскольку находится в центре балканского ареала и в своей грамматической системе содержит наибольшее число балканизмов. Балканистичность македонского языка в сфере лексики, по мнению Р.П. Усиковой, состоит в отсутствии какого-либо пуризма и подверженности интерференции со стороны языков, бывших престижными в Македонии в разные исторические периоды (Усикова, 2003: 10–11).

---

[*] © Боронникова Н.В., Верижникова Е.В., 2011

[**] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-14-59008 а/У.

Балканизации македонского языка способствовал ряд экстралингвистических факторов. Во-первых, на Балканах в течение многих веков наблюдалась ситуация полилингвизма и диглоссии. Во-вторых, у македонского этноса долгое время не было государственности и кодифицированного литературного языка. По замечанию Р.П. Усиковой, «в условиях отсутствия собственной государственности и сдерживающего начала со стороны родного кодифицированного литературного языка македонские локальные говоры оставались главным идиомом македонского языка, а все балканские влияния шли именно на диалектном уровне. При официальной коммуникации македонцы были вынуждены употреблять язык того государства, в которое входила в тот момент македонская языковая территория, а в общении с незнакомыми людьми, среди которых могли быть и представители иного этноса, выбирать такие слова и конструкции, с помощью которых можно было донести информацию и быть понятыми. Отсюда и становление специфического балканского языкового менталитета, когда язык легко усваивает и присваивает чужое, делая его как бы своим»[1] (там же: 11).

В ходе языкового смешения наблюдалась четкая социальная дифференциация сфер употребления языков: македонский язык, как правило, обслуживал сферу бытовой коммуникации, а в ситуации официального общения использовался язык того этноса, который в данный момент исторического развития доминировал в политической, экономической или духовной жизни общества (в разные исторические периоды это были греческий, турецкий, сербскохорватский языки). Язык доминирующей нации приобретает статус языка высокого социального престижа. Я. Матрас называет такой язык прагматически доминантным, определяющим правила и узус речевого общения в многоязычном сообществе (см.: Matras, 1998: 281 – цит. по Русаков, Соболев, 1998: 16). (Подробнее о языковом смешении, языковых контактах, языковой ситуации и социолингвистическом статусе контактирующих языков см.: Вайнрайх, 1979; Гавранек, 1999; Пауль, 1960 и др.)

[1] О специфике оппозиции «свой/чужой» на Балканах см. исследования Т.В. Цивьян (например: Цивьян, 2005).

Б. Конеский в «Истории македонского языка» (1965 г.) выделяет три основные фазы развития лексического состава македонского языка, в ходе которых он вступал в контакты с языками более высокого социального престижа. Первую фазу Б. Конеский обозначает как период влияния греческого языка, вторую – как период влияния турецкого, а третью он называет современным этапом развития словаря (Конески, 1965: 179).

В течение пяти веков турецкий язык был господствующим на Балканском полуострове. «В этот период происходит формирование македонских городов и торгово-ремесленных районов в них в том виде, в котором они дошли до нашего времени. Турецкий элемент сыграл в этом процессе значительную роль. Все это придавало турецкому языку позицию языка с особым престижем» (там же: 186). По данным Б. Конеского, в словарь македонского языка вошло более трех тысяч лексических заимствований из турецкого языка (там же: 186).

Турцизмами в балканских языках называют слова турецкого, а также арабо-персидского происхождения, заимствованные посредством турецкого (см.: Јашар-Настева, 2001; Усикова, 2003; Friedman, 1996). В. Фридман отмечает, что турцизмы в современном македонском языке употребляются в трех типах контекстов: 1) исторические/эпические/архаические; 2) локально окрашенные/диалектные; 3) иронические/пейоративные/стилистически сниженные (Friedman, 1996: 137).

Отдельные турцизмы, согласно Б. Конескому, встречаются в македонских текстах начиная с XVI в. (Конески, 1965: 186); по данным О. Яшар-Настевой, которая ссылается на П. Скока, с начала XV в. (Јашар-Настева, 2001: 19). Наибольшее количество турцизмов проникает в македонский язык в XIX в. в связи с ростом городского населения, развитием торговли и ремесел, это обеспечивает македонскому населению более тесные контакты с турецким языком (Конески, 1965: 187). Турецкий язык для торговцев и ремесленников стал языком межнационального общения. Многие писатели и собиратели фольклора того времени, например Й. Крчоский, К. Пейчинович, братья Д. и К. Миладиновы, Р. Жинзифов, Г. Прличев, К.П. Мисирков, М. Цепенков и др., в своих записях приводили цитаты на турецком языке (пословицы, крылатые выражения и др.), что также говорит об осо-

бой социальной роли турецкого языка в тот период. Кроме того, для объяснения значения многих славянских лексем использовались турецкие выражения (см.: Конески, 1965: 187; Јашар-Настева, 2001: 23).

С распадом Османской империи в 1912–1913 гг. турцизмы, обозначавшие реалии государственного, правового, экономического устройства общества, выходят из широкого употребления и в настоящее время воспринимаются как архаизмы или историзмы, ряд слов имеет диалектную окраску. Лексемы, обозначающие абстрактные понятия (*севда* ‘любовь’, *сефалак* ‘удовольствие, развлечение’, *табиет* ‘нрав, характер’, *марифет* ‘мастерство, ловкость’), приобретают стилистическую окраску фольклорности и связаны с патриархальным бытом. Многих из подобных слов уже нет и в словаре современного турецкого языка. Другие же турцизмы, чаще всего обозначающие какие-либо конкретные бытовые реалии и понятия (*алва* ‘халва’, *боза* ‘буза (просяной квас)’, *тава* ‘сковорода’, *килим* ‘ковер’ и др.), полностью адаптировались к основному лексическому фонду и входят в разряд стилистически нейтральной лексики. Как правило, турцизмы встречаются в языке тех писателей и поэтов, чье творчество близко к народнопоэтическому (см.: Јашар-Настева, 2001: 26).

Особо следует сказать о судьбе турцизмов в современном македонском языке. В разговорной речи наблюдается тенденция к пейоризации турецких заимствований. Лексемы, относящиеся к сфере абстрактных понятий, этикетных формул, используются в эмоционально окрашенном, шутливо-ироническом, сниженном значении (см.: Усикова, 2003: 54; Friedman, 1996: 137). Особенно часто случаи такой «языковой игры» встречаются в разговорной речи и в современной прессе. За последние два десятилетия язык македонских СМИ демократизировался, в статьи с преобладающей воздействующей функцией (колонки, комментарии и т.п.) для создания эффекта эмоционального, непринужденного разговора с читателем авторы вводят большое количество сниженных элементов: разговорных, просторечных, жаргонных и даже обсценных, и среди них весомое место принадлежит турцизмам. Поиск новых средств ведет даже к оживлению архаизированных турцизмов. Как правило, они использу-

ются в неодобрительном, ироническом, саркастическом ключе. Примеры многочисленны: *душмани* – о политических противниках, нейтральное – *противник*; *дереџе* ‘положение, чаще плачевное’, вместо *состојба*; *ќеиф – задоволство* ‘удовольствие’; *лаф – збор* ‘слово’; *кандиса* ‘убедить’, ‘согласиться’; *куртули* ‘спасти’, ‘избавиться’. Характер использования турцизмов хорошо демонстрирует следующий пример, где речь идет о бывшем премьер-министре: *Во спротивно, за наш зијан* (лит. *штета* ‘ущерб’)*, а за сопствен ќар* (лит. *добивка* ‘выгода, выигрыш’)*, пред светот ќе нè застапува едно инаетливо детиште* [Никола Младенов. Фокус 29.06.2001] ‘А не то, нам на беду, себе на радость, перед целым миром нас будет представлять капризный ребенок’.

Помимо полнозначных слов из турецкого в македонский язык были заимствованы многочисленные служебные слова и междометия. Этому опять-таки способствовал особый статус турецкого языка, как языка прагматически доминантного. По словам Я. Матраса, такой язык служит для билингвальных носителей ресурсом для «дискурсивных, жестообразных, регулирующих дискурс целей, т.е. прежде всего донором **междометий** (выделено нами. – *Н.Б., Е.В.*), слов-наполнителей (fillers) и эмблематических выражений, сентенциальных частиц, фокусных частиц, включающих фазовые наречия, а также союзы, прежде всего противительные» (Matras, 1998: 293–294 – цит. по Русаков, Соболев, 1998: 16).

Что касается собственно лингвистических факторов, способствующих легкому проникновению междометий в чужой язык, – это их повышенная эмоциональность и грамматическая аморфность (термин И.А. Шаронова, см.: Шаронов, 2008). Именно принадлежность к эмоциональной сфере языка в совокупности с дискурсивным характером способствует полной интеграции междометий в язык-преемник. Кроме того, как утверждает У. Вайнрайх, «перенесенные слова часто входят в стилистический слой фамильярной лексики или жаргона, приобретая при этом пейоративные коннотации, которых они не имели в прежнем языке» (Вайнрайх, 1979: 94).

Говоря же о морфологической интеграции междометий, У. Вайнрайх отмечает, что «в речи двуязычных лиц морфемы со

сложными грамматическими функциями менее способны к перенесению, чем морфемы, выполняющие простые функции. <…> такие неинтегрированные морфемы, как слова-предложения или междометия, могут переноситься почти свободно» (Вайнрайх, 1979: 67–68). Ссылаясь на Э. Хаугена, У. Вайрайх замечает, что «классы морфем определенного языка можно расположить в виде непрерывного ряда от флексий, наиболее интегрированных в структурном и синтагматическом отношениях, через такие “грамматические слова”, как предлоги, артикли или вспомогательные глаголы, до полнозначных слов – существительных, глаголов и прилагательных и далее до независимых наречий и совершенно неинтегрируемых междометий. Тогда можно было бы выдвинуть следующую гипотезу: чем более полной является интеграция морфемы, тем менее вероятным может быть ее перенесение» (Вайнрайх, 1979: 68).

Пласт заимствованных из турецкого языка (или посредством турецкого) междометий в македонском довольно широк. Определить время, условия (а в некоторых случаях и источник) их заимствования в настоящее время достаточно затруднительно в силу конвергентного развития БЯС (см., например, о судьбе междометий *бе, бре, море* в балканских языках: Brian, 1994). Однако к собственно турецким заимствованиям междометного характера, исследователи относят лексемы *аjде(те), аjол, алал (ти вера; ти е), ама, аман(те), аферим, аш, ашколсун, бакалам, бериќатверсен, бујрум/н(те), ваj, валаj-билаj, варда, гиди (дегиди, деjгиди, деjди, ѓиди, егиди, еjгиди, еди), гитла, давран, дур, дамбарадумбара, евала, завал, сангар, иљала (ишала), jаврум, jазак, jок, jуриш (jуруш), кузум, машала, мераба, олан, олум, пеки, пирола, сакан, сиктер, сус (суз), тандар-мандар (тандара-мандара), тинтири-минтири, џагара-магара, џанам, шуќур* и др. (см.: Јашар-Настева, 1987; 2001; Конески, 1965; ср. также с данными БЕР).

Первичный анализ заимствованных из турецкого междометий показывает, что они обслуживают сферу эмоций (как правило, это вторичные междометия), волеизъявлений и этикета. Особое место среди турецких заимствований занимают ономатопоэтические междометия, в которых наблюдается полная или частичная редупликация (что характерно для тюркских языков),

и так называемые «заполнители пауз», которые используются в качестве запева в народной поэзии.

В своей статье мы остановимся на анализе семантики и функций междометия *аман*, которое, вслед за И.А. Шароновым, обозначим как междометие-коммуникатив (Шаронов, 2004: 146). Под коммуникативом он понимает тот тип грамматически аморфных высказываний, которые могут быть объединены по признаку непосредственной реактивности и номинативной опустошенности. «Коммуникатив – это синтаксически автономная реактивная реплика говорящего лица, используемая исключительно для выражения речевой интенции или эмоции говорящего» (там же: 146). Как отмечает И.А. Шаронов, «рассматривая и описывая три основные функции языкового знака, К. Бюлер противопоставляет первые две функции – экспрессивную (связанную с говорящим) и апеллятивную (связанную со слушающим) третьей функции – репрезентативной (связанной с предметом речи). Обычные высказывания выполняют все три функции одновременно. Коммуникативы – это единицы, реализующие только первые две функции. Они не предназначены для того, чтобы выполнять репрезентативную функцию. В свою очередь, коммуникативы делятся на симптомы и сигналы (там же: 147).

Обратимся к анализу словарного значения междометия *аман*. Толковые словари (ТИ, РСХТ), за исключением ЗМ, трактуют междометие *аман*<*aman* (арабск.) как вторичное, производное от существительного со значением ‘милость, пощада, спасение’, иллюстрируя его одним и тем же примером: *аман не му дава* ‘он не дает ему передышки’. Более развернутые примеры на употребление существительного *аман* находим в РНП, где из контекста следует, что *аман не му дале* следует понимать как ‘его не пощадили’, т.е. отняли жизнь.

В значении междометия, по данным словарей, *аман* выражает мольбу, просьбу о милости, прощении, помощи. Действительно, в текстах немало примеров, где представлено именно это значение, в (1) оно даже дублируется незаимствованным синонимом:

(1) *Од лутина Мравчо поцрвене како сува пиперка.*

– Е, дури сега нема да ти простам! – и го извлече ножот од ножницата, што беше заденатa за појасот.

*– **Аман**, милост! – клекна биволот на колена. – Нареди, сè што треба ќе направам, само немој да ме колеш!*

[В. Подгорец. Деца под печурки. 1964: 38]

От злости Муравей сделался красным как сухой горький перец.

– А вот теперь я тебя не прощу! – и вынул нож из чехла, висевшего на поясе.

– **Пощади**, помилуй! – буйвол упал на колени. – Приказывай, что я должен сделать, только не убивай меня!

Отмечается также употребление *аман* в народной поэзии в качестве припева (2) или запева:

(2) САНДРЕ (започнува сам а после му се придружува и Илче...):
Оди моме на вода
Со две стомни шарени
*И беќарот по него, оф **аман, аман**!*
Постој, моме, почекај
Да ти речам два збора,
*Два збора, два изгора, оф **аман, аман**!*
Подај ми го стомнето
Вода да се напијам –
*Срце да си оладам, оф **аман, аман**!*
Се излажа момето
Му го даде стомнето
*Вода да се напијат, оф **аман, аман**!*

(Илче повисоко.)
Не го зеде стомнето
Тук' го фати за рака –
*Му го скрши прстенот, оф **аман, аман**!*

[Р. Крле. Милиони маченици. 1940[2]: 45–46]

САНДРЕ (затягивает песню, затем к нему присоединяется Илче…)
Пошла девка по воду
с кувшинами пестрыми
А за нею молодец, ой **люли, люли**!
Постой, девица, погодь,
Два словца тебе скажу,
Жарких два словца скажу, ой **люли, люли**!
Дай водицы
Мне напиться,
Ретивое охладить, ой **люли, люли**!
Девица поверила,
Подала кувшин ему
Пусть воды напьется, ой **люли, люли!**
(Илче берет выше)
Не кувшин, а рученьку
Молодец схватил –
И сломал колечко ей, ой **люли, люли**!

Представляется, что новые толковые словари (ТИ, ЗМ) не отражают тех изменений, которые произошли в значении и употреблении *аман* к настоящему времени в результате глобальных

[2] Здесь мы указываем год создания или первой публикации, он может не совпадать с годом выхода издания, использованного для эксцерпции.

социолингвистических изменений и в русле общей тенденции пейоризации турцизмов после того, как турецкий язык утратил свой прежний статус. Тогда как уже О. Яшар-Настева в своем фундаментальном труде, написанном еще в 1961 г., тонко замечает, что *аман*, кроме вышеуказанного значения, употребляется и для выражения досады, т.е. негативной эмоции, вызванной чем-либо надоевшим, назойливым: ***аман*** *викна от него* ‘он **взвыл** от него’, ср. с рус.: *надоел, хоть* ***караул*** *кричи* (Јашар-Настева, 2001: 123). Она указывает и на то, что вследствие очень частого употребления наблюдается «ослабевание значения» междометия (там же), т.е. что в сопровождении элементов *де, бре, мори, џанам* оно, по сути дела, употребляется в фатической функции.

Действительно, *аман* встречается и в функции существительного, и в функции междометия. Однако вопрос о том, какая из этих функций является транспозитивной, во всяком случае на синхронном срезе, нельзя считать однозначно решенным. В подавляющем большинстве случаев в собранном материале (к настоящему времени методом сплошной выборки обработано свыше 50 художественных произведений, привлечен также материал из Интернета) *аман* выступает как междометие. Такие примеры, где *аман* выполняет синтаксическую функцию члена предложения (3), скорее, следует трактовать как конверсию междометия. Ср. (3) и (4),(5), где в таком же контексте выступают во вторичной функции междометие *оф* и звукоподражание.

(3) Совет знахарки по поводу возникших проблем со здоровьем:

– Треба да ја смени собата, вели Маса Ќулумоска, или треба да ја смени куќата, вели.

– Бре, ***аман****, велиме.*

– Нема ***аман****, вели.*

[П.М. Андреевски. Пиреј. 1980]

– Он должен в другую комнату перейти жить, – говорит Маса Кюлумовска, – или в другой дом.

– Ой, да что ты, **помилуй**, – говорим.

– Никакого **помилуй** (т.е. только так, другого выхода нет.)

(4) – ***Оф****!*

– Нема ***оф****! Треба да работиш и толку!*

– **Ох!**

– Никаких «**ох»**! Надо работать, значит надо!

(5) ***Крк-мрк*** *нема, пари сум дал, ќе те јадам. (Некој ќираџија имал си месо в еден склопец и кога вечерал в полето, влезла една жаба в склопецот, та ја уловил да ја јаде, ако и да викала «**крк**»).*
[М. Цепенков: пословицы. 1891]

Никаких **ква**, деньги заплачены, придется есть. (У одного извозчика в поставце было мясо, сел он в поле поужинать, а в поставец запрыгнула жаба, он ее схватил и собрался есть, хоть она и кричала «**ква**»).

При определении разряда, к которому следует отнести это междометие, нужно прежде всего исходить из того, что оно является коммуникативом-сигналом, т.е. предполагает собеседника, обращено к нему, требует его реакции, акциональной или вербальной, выражает интенцию говорящего. Потому оно очень часто употребляется в комбинации с фатическими частицами-междометиями *бе, бре* и т.п., основная функция которых – контактоустановление и контактоподдержание. Необходимо учитывать и то, что при множественном адресате *аман* способно присоединять и постфикс *-те* (6), как и глаголы в повелительном наклонении, что свидетельствует о его принадлежности к разряду волеизъявительных междометий (аналогично и в турецком языке – *amanın* (Јашар-Настева, 2001: 123)).

(6) <…> *царот си се шетал без ниедно крпче на себе и не смеел ни да признае дека не си ја гледа облеката за да не испадне антимонархиста, и никој не смеел ни да писне за да не го прогласат за удбаш и комуњара, и сите викале «алал вера, бе царе, со здравје да си го носиш», и сè било така додека едно дете не се свестило и рекло «**аманте, бе** луѓе, па царот е пиштол-гол!», те на тој начин испаднало попаметно од сите граѓани на царството, сосе интелектувалци, новинари и академци.*
[Д. Митревски. Предговор // Р. Пејовиќ. Сеир. 2001: 3–4]

<…> царь разгуливал себе, а на нем ни единого лоскутка, и не смел признаться, что одежды-то своей и сам не видит, а не то запишут в антимонархисты, да и никто из людей пикнуть не смел, неровен час объявят сексотом и коммунякой, все знай кричали: «Красота, царь, носи на здоровье», – так и продолжалось, пока один мальчишка не опомнился и не сказал: «**Да вы что**, люди добрые, царь-то голголёшенек!», и таким образом оказался умнее всех граждан в том царстве-государстве, со всеми его интеллектуалами, журналистами и академиками.

Аман – одно из наиболее частотных междометий-турцизмов в современном языке. Весьма широк и диапазон его употребления как с точки зрения ситуаций, в которых оно используется, так и с точки зрения разнообразия текстов, в которых встречает-

ся. Оно употребляется в художественной литературе, СМИ, разговорном языке, интернет-опосредованной коммуникации (форумах, блогах). Поскольку его употребление всегда предполагает адресат сообщения, при анализе необходимо учитывать прагматический и социолингвистический факторы.

Представляется, что значение мольбы о милости, пощаде является исторически исходным. В современном турецком языке *aman* в значении междометия обозначает а) ‘помогите!, пощадите!’; б) ‘ради бога!’; а также может выражать предостережение ‘смотри!’ (БТРС: 52). Субстантивное значение ‘пощада, милость; жалость’ также отмечается, но как второе. Исходя из семантики, логично предположить, что в условиях коммуникации с представителями турецкой власти именно междометное употребление было первичным. Необходимость взывать к милости и просить о пощаде перед лицом сильного, обладающего властью казнить и миловать, в известных исторических обстоятельствах было типичной ситуацией. Разумеется, это необходимо было делать по-турецки. Многочисленные описания подобной коммуникативной ситуации находим в литературе.

(7) *Кога го наближи Царевдвор, првото преспанско село, низ кое помина на враќање од ловот, страшни писоци му ги заглушија ушите…*

*– **Аман**, бегот ни ја грабна невестата… – Падна пред коњот на пашата белокоса старица.*

Пашата ги набра веѓите. Коњот под него исцвиле силно приклештен од уздата се исправи на задните нозе. Пак исцвили. Жената не се

Когда, возвращаясь с охоты, паша подъезжал к Царевдвору, первому преспанскому селу, страшные крики оглушили его…

– Милости прошу![3] Бей украл нашу молодуху, – седая старуха бросилась прямо под ноги лошади.

Паша сдвинул брови. Конь под ним заржал, и, вздернутый уздой, встал на дыбы и снова заржал. Женщина не двинулась с места. Воздев

[3] Следует признать, что приводимые переводы не могут адекватно продемонстрировать значение междометия, в силу отсутствия даже приблизительного междометного эквивалента в русском языке, поэтому в большинстве случаев используются императивные формы. Пожалуй, ближе всего значение просьбы передает вторичные русские междометные словосочетания *ради Бога*, *Бога ради*, однако его внутренняя форма может ввести читателя в заблуждение. Тем не менее впоследствии мы иногда используем его, но следует иметь в виду, что идея Всевышнего никоим образом не присутствует в сознании носителя македонского языка при произнесении *аман*, что, возможно, и не так для исходного турецкого междометия.

помрдна од местото. Со испружени раце кон пашата – таа молеше, заклеваше…

– Ти и господ…

[И. Точко. Избор раскази: Прстен. 1959: 13]

руки, она молила, заклинала:

– Только на тебя и Господа уповаю…

Пример (8) наглядно демонстрирует, как из междометного употребления развивается субстантивное.

(8) *– Ха-ха-ха! Никому ништо не плаќате! Тоа многу убаво го знам јас, па затоа и дојдов со беговите и сејмените да соберам што не сакате сами да донесете. За сто години што не сте платиле арач, десеток, беглик, сакам денеска. Слушнавте? – викна кадијата и остро ги погледна сите врзани. – Инаку, ни глушец нема да остане во селово.*

*– **Аман**, ефенди, **аман** бегу, **аман** ага, **аман** пашум, – почнаа сите врзани да молат. – **Аман**, што сме должни ние да плаќаме за нашите дедовци и прадедовци, – проговори сам попот.*

*– Нема **аман**, нема заман бре ќерата! Вие се фалите како вас Турчин не ве бил досега, како не признавате ни цара ни визира, како не плаќате никому ништо. Сега ќе видиме кој повела во оваа земја, вие или падишахот наш. Повела каурин или Турчин?*

[С. Попов. Калеш Анѓа. 1958: 63]

– Ха-ха-ха! Вы никому ничего не платите! Будто я не знаю! Потому и приехал я с беями и жандармами, чтобы собрать то, что вы сами не хотите принести. Все, что вы за сто лет не заплатили: подушную подать, десятину, налог на домашний скот – все нынче хочу получить. Слыхали? – крикнул кади и грозно оглядел связанных. – А коли не заплатите – и мыши живой в селе не останется.

– **Смилуйся**, эфенди, **смилуйся,** бей, **смилуйся** ага, **смилуйся** паша, – взмолились пленники. – **Смилуйся**, разве должны мы платить за дедов и прадедов, – произнес священник.

– Как бы ни так, ни **пощады** тебе [т.е. бесполезно кричать **смилуйся**], ни милости, мерзавец! Вы похваляетесь, что турок вас ни разу не бил, что ни султана, ни визиря вы не признаете и никому ничего не платите. А вот мы сейчас и поглядим, кто хозяин этой земли, вы или наш падишах. Гяур или турок здесь хозяин?

Многочисленны примеры, свидетельствующие о том, что в том же значении **аман** употреблялся и в диалогах между македонцами. При анализе коммуникативного междометия **аман** необходимо учитывать социолингвистический фактор: как правило, в таких примерах адресат высказывания – лицо, вышестоящее на социальной лестнице (9), обличенное властью (11), или же лицо, в данной коммуникативной ситуации находящееся в позиции силы (10). В примере (9) это богач, ростовщик, держащий в руках мелких ремесленников, совершивший паломниче-

ство ко Гробу Господню, о чем свидетельствует обращение *аджи*, что дополнительно повышает его социальный статус.

(9) ТРАЈКО: *Нејкам веќе да чујам за тоа! Не биде ли како што реков, ќе те дадам на суд, покуќнината со телал ќе ти ја продадам.*

МИТРЕ: ***Аман**, аџија, немој така, немој да ме сосипеш сосем, аџија.*

[В. Иљоски. Бегалка. 1928: 64]

ТРАЙКО: И слышать больше не хочу! Не будь по-моему, я тебя под суд отдам, все пожитки твои с молотка пущу.

МИТРЕ: **Пощади**, аджи, не надо, не разоряй меня вконец, аджи.

(10) *И војводата го пречекува кај воденицине Чатлакови. Го зема на пушка и му излегува*.

*– **Аман**, вели Џемо, не земај душа, вели и го намовнува лицето, го собира ко гасеница.*

[П.М. Андреевски. Пиреј: 64]

И встречает его воевода у мельниц Чатлаковых. Берет его на прицел и выходит ему навстречу.

– Пощади, умоляет Джемо, не забирай мою душу, говорит, а лицо у него съеживается, сморщивается, как печеное яблоко.

(11) *Во тој момент излезе и мајка ми. Таа исто така почна да го моли извршителот со солзи во очите:*

*– **Аман,** господине, смилувајте се на децата! – липаше таа во очај. – Цела година млекце не каснале. Живеат од коприви и пченкарник. Ако ни ја земете козата, им го уништувате и животот на децата.*

[В. Подгорец. Дрво на спомените. 1985: 53]

Тут вышла и мама. Она тоже со слезами на глазах стала умолять пристава:

– Смилуйся, господин, пожалей детей! – рыдала она в отчаянии. – Они уже целый год молочка не ели. Только и видят, что крапиву да мамалыгу. Если вы у нас козу отберете, то детей погубите.

Примечательно, что широкое употребление *аман* в тот период, очевидно, приводит к тому, что оно уже вполне осваивается языком и не несет печати принадлежности к языку исламских завоевателей. Об этом свидетельствуют примеры его использования в сказках (12) и в художественной литературе (13), (14) при обращении к Всевышнему и небесным заступникам, в молитве (13).

(12) *Поминале многу годиње и дошол ангел Божи за да му земат душата.*

*– Бре **аман**, ангеле!*

Прошло много лет, и явился ангел Божий, чтобы забрать его душу.

– Смилуйся, ангел!

– ***Аман****, заман немат, туку готви се, дури јет брго! – му рекол ангелот.* [М. Цепенков. Христос со дванаесетте апостоли. 1890]	– «**Смилуйся**» не поможет, готовься, потому что час твой близок! – сказал ему ангел.
(13) <…> ***аман****, мори беспорочна девице, варди ми го, од раката твоја не оставај го…* [В. Малески. Разбој. 1969: 412]	<…> **помилуй** (**спаси**), Дева Беспорочная, сохрани мне его, не оставь его своей поддержкой…
(14) <...> *Господи, очисти ме од недоличните мисли,* ***аман*** *очисти!* *Тоа беше Вета Петраноска, богомолката.* [В. Малески. Разбој. 1969: 353]	<…> Господи, очисти меня от недостойных мыслей, **прошу тебя**, Господи! Это Вета Петраноска, богомолка, подала голос.

Время действия романа В. Малеского (13,14) – межвоенный период и вторая мировая война, но многие персонажи сложились как языковые личности еще в период активного влияния турецкого языка. Собственно, уже эти примеры демонстрируют связь значений ‘пощади, помилуй’ и ‘спаси’. В (14) междометие, сопровождая императив, скорее усиливает интенсивность просьбы. Следует отметить, что *аман* может употребляться самостоятельно, поскольку содержит идею мольбы о пощаде, помиловании, спасении, но чаще просьба выражается глаголом в форме императива или аналитической конструкцией «*немој да* + презенс» ‘не надо, не делай что-л.’, а *аман*, открывающее высказывание, задает его тональность, представляя, пользуясь удивительно тонким и точным сравнением Б. Конеского о междометиях, «своего рода “ключ” к его эмоциональному содержанию» (Конеский, 1967: 545), а в данном случае выполняет и фатическую роль – маркировки характера контакта: говорящий признает свое нижестоящее положение в контакте и тем самым пытается разжалобить адресата, склонить к милосердию.

Выражение просьбы или ее усиление при императиве междометием *аман* широко представлено в текстах. Важно отметить, что в этом случае адресант либо по социальному статусу выше адресата, либо в данной коммуникативной ситуации находится в привилегированной позиции, располагает возможностями оказать адресату услугу или благодеяние (15).

(15) *Во ранина запреа изморените коњи пред куќата на Бојана. Бојана летна по дрвените скали и извика:*

*– **Аман**, докторе, спасувај!*

Но пред неа стоеше само Митре. <...> Тој ја погледна тажно и без здив прошепоти:

– Немал време!

– Докторот!

– Немал време. Немал време за нас, Бојано!

[И. Точко. Избор раскази: Бојана. 1953: 24]

Ранним утром усталые лошади остановились перед домом Бояны. Она сбежала по деревянным ступеням с криком:

– **Ради Бога**, доктор, спаси!

Но перед ней стоял только Митре. <…> Он печально посмотрел на нее и едва прошептал:

– У него, вишь ты, времени нет!

– У доктора!

– Времени у него, дескать, нет! Для нас нет времени, Бояна!

(16) *Изминувам една кривина, вели, изминувам и друга, трета, и колку да излезам на правото, ме зарпира една претоварена жена. **Аман**, повози ме, вели жената, ми паднаа нозеве од одење.*

[П.М. Андреевски. Последните селани. 1987: 46]

Проезжаю я поворот, рассказывает он, проезжаю второй, третий, и только выехал на прямую дорогу, останавливает меня женщина, с тяжелой ношей. **Ради Бога**, подвези меня, говорит женщина, у меня уже ноги отваливаются.

В примере (17) абсурдность ситуации строится на несоответствии реального положения дел и коммуникативного статуса, задаваемого междометием: просьба оказать услугу обращена к человеку, находящемуся в максимально возможной «низкой» позиции: под угрозой лишения жизни от руки именно тех, в чьи уста вкладывается междометие:

(17) *Се искачува горе, се пикнува меѓу гранките, меѓу чаталите и се гледа одозгора. Пак како уплашена верверица се гледа. Тие го молат да слезе, го молат за да го обесат.*

Аман, му велат, не смееме да те оставиме необесен. Наредба е, велат.

[П.М. Андреевски. Скакулци. 1983: 171]

Он карабкается вверх, забирается в чашу, в заросли и выглядывает оттуда. Выглядывает, как испуганная белка. А они умоляют его спуститься, спуститься, чтобы повесить.

Пожалей ты нас, говорят они ему, не можем мы тебя отпустить, не повесить. Приказ такой, говорят.

Рассмотренное значение ‘милости!, пощады!; помогите!’ знакомо и понятно современному носителю македонского языка: часть приведенных выше примеров взято из произведений,

написанных не только в 50-е, но и в 80–90-е гг. XX в. Разумеется, здесь мы имеем дело с художественным авторским текстом, в котором историческая ситуация моделируется, события недалекого или давнего прошлого описываются с позиции другого времени. Тем не менее они вполне согласуются с примерами, которые мы в изобилии находим в произведениях, созданных в период османского владычества: фольклорных (18), (19) и, пусть и немногочисленных, художественных (20).

Просьба:

(18) – ***Аман**, оче дуовниче, те молам, земи ме и мене со тебе на аџилак, за да се сторам и јас еден аџија, да и да умрам, да не жалам.*

Вака му велеше Силјан на дуовникот и му се молеше дури со плач на очите, за да го земи на Божи гроб.
[М. Цепенков. Силјан Штркот. 1892]

– **Умоляю**, отче, заклинаю тебя, возьми меня с собой в паломничество, чтобы и мне побывать в Святой Земле, тогда и помереть не жалко будет.

Так говорил духовнику Сильян, со слезами на глазах умоляя взять его ко Гробу Господню.

Мольба о пощаде в случае социального и ситуативного превосходства адресата (19):

(19) *Научено момчето за на лов, беше излегло еднаж низ планина и видело еден заяк, колку да врли со стрелата, да го отепа и дал вик зајако:*

*– **Аман**, момче, не стрелај ме, оти си имам мали дечиња, та ќе ми останат сираци.*
[М. Цепенков. Двете деца, брат и сестра, што ѝ мачеше маштеата, и татко му ѝ однесе в планина. Записано во второй половине XIX в., опубликовано в XX в.]

Юноша частенько охотился, и однажды пошел в горы, увидел зайца и только собрался выпустить стрелу, чтобы убить его, как заяц вскричал:

– **Смилуйся**, юноша, не убивай меня, у меня детишки малые, останутся сиротами.

Пример (20) наглядно демонстрирует разницу в вербальном поведении Дуко, с достоинством противостоящего узурпаторам, который употребляет фатическое междометие *бре*, маркирующее равную коммуникацию и зачастую несущее негативную коннотацию, и остальных, смиренно умоляющих о милости к юноше, на что указывает *аман*. Примечательно, что в этой драме 1900 г., главная идея которой – непокоренность македонско-

го народа, а тема – противостояние македонцев и турок, *аман* встречается лишь дважды.

(20) (Другите Турци го фаќаат Дука и го тепаат).

ДУКО: (Се спротивставува). *Кучиња, пуштете ме бре!*

СИТЕ: **Аман** ага, пуштете го.

[В. Чернодрински. Македонска крвава свадба. 1900: 186]

(Остальные турки хватают Дуко и избивают его).

ДУКО: (Сопротивляется). Псы, а ну отпустите меня!

ВСЕ: **Пощади**, ага, отпустите его.

Однако со времени усвоения этой языковой единицы произошло не только изменение статуса турцизмов (большинство из которых перешли в нижний страт языка: разговорный язык, просторечие), но и изменение структуры коммуникации. Из набора вертикальной оси общественных отношений (высший ↔ низший) к моменту кодификации литературного македонского языка ушел компонент ‘господство–подчинение’ (и как порабощение со стороны завоевателей, и как неравенство в рамках сословных отношений). На нынешнем этапе коммуникативное междометие *аман* используется только в ситуации горизонтальных отношений (среди равных), поскольку при официальном общении его использование блокировано. Однако следует иметь в виду, что официальная, дистанцированная коммуникация среди носителей македонского языка встречается гораздо реже, чем в русскоязычной среде. Особенность коммуникации в македоноязычной среде состоит в преобладании равных отношений, поскольку на протяжении почти всего существования македонского народа (до 1944 г.) власть была иноязычной и даже имущественные различия между македонцами не слишком отражались на положении человека в социальной пирамиде. Повседневный этикет в общении незнакомых людей менее церемонный, направлен на «присвоение» собеседника, введение его в собственную личную сферу. Нередко уже при первом вступлении в коммуникацию (в такси, в лифте) македонцы обращаются друг к другу на «ты» и, стало быть, могут использовать разговорные и просторечные формы.

Следствием всего этого является изменение в структуре значений *аман*. По-прежнему таким образом может выражаться просьба, однако без компонента уничижительности, в рамках

бытового, дружеского общения, иногда с раздражением (21), а иногда и с шутливым оттенком (22).

(21) *Дами и господа. <…> Ајде да градиме, навистина, здрава држава. **Аман** извлечете ги од џебовите и последните резерви на позитивна енергија.*
[Агим Јонуз. Каква се чума зададе? Време. № 1842. 09.12.2009]

Дамы и господа <…> Давайте уже, в самом деле, строить прочное государство. **Ради Бога**, **ну** достаньте вы из карманов последние запасы позитивной энергии.

Этот публицистический текст (21), как и вообще большинство современных текстов в СМИ, написан в свободной манере неформального разговора с читателем. Использование официального обращения *дами и господа* в подобном тексте при общей разговорной тональности статьи, к тому же в близком соседстве с *аман*, передает сарказм автора в связи с происходящим в стране, возмущение поведением соотечественников.

(22) (Художники расписывали церковь в селе, где крестьяне по очереди их кормили.)

Работеле речиси цели два месеци, а за ручек јаделе само пита. Дојде редот да ручаат и кај кметот.

– Кај мене ќе имате најдобар ручек – пита со сирење!

*– **Аман**, не пита! – извикал Лазар Личеноски! – два месеци јадеме само пити. – Сакаме грав за ручек.*
[Н. Бајо. Новинарот нула тринаесет. 2006: 86-87]

Работали они целых два месяца, и на обед в каждом доме их угощали питой. Пришел черед обеда у сельского старосты.

– У меня вас ждет самый лучший обед – пита с брынзой!

– **Ох, помилосердствуй**, только не пита! – закричал Лазар Личеноский. – Мы уже два месяца только питу и едим. Нам бы простой фасоли.

В условиях равных непринужденных отношений значение мольбы о милосердии трансформируется в значение протеста, призыва прекратить некое неприятное, не одобряемое адресантом действие, выполняемое адресатом (23), или выражение возмущения, неудовольствия, досады в связи с этим действием (23, 24, 25). Соответствия, которые можно было бы подобрать в русском языке: *хватит!, перестань!, сколько можно!, довольно!* и т.п.

(23) *<…> јас реков дека навистина*

<…> я сказала, что с сестрой

нешто со сестра ѝ на Бистра не е во ред. Дека е толку голема, а сепак не зборува како што треба. Мони ми се заврте и ме погледна.

*– **Аман** Ива, како не ти е срам така да зборуваш. Греота е детето, срамота.*

[Р. Бужаровска. Чкртки (Лулашка). 2007: 31]

Бистры и правда что-то не так. Такая большая, а говорить как следует до сих пор не умеет. Мони обернулась и посмотрела на меня.

– **Перестань**, Ива, как тебе не стыдно так говорить. Бедная девочка, постыдись.

(24) *Обидите да го бранат од нападите ги дочекуваше со цинизам: **Аман** не бранете ме мене, бранете се себе. Не ме напаѓаат мене. Го напаѓаат нашиот јазик, нашиот идентитет. Така зборуваше Конески.*

[Ерол Ризаов. Преубаво ни е името... Утрински весник. № 3253. 9.04.2010]

Попытки защитить его от нападок он встречал холодно: «**Оставьте**, не надо меня защищать, себя защищайте. Ведь это не в меня они целят. Они нападают на наш язык, нашу самобытность». Так говорил Конеский.

(25) *Ова комшиве само ми се бунат, ми лаеле кучињата многу. **Аман** бе комшија, му викам ја, па да знаева да зборат, ќе збореа, ама...*

[14.03.2010, форум, где жалуются на жизнь: http://www.ispraznise.mk/?page=15]

Соседи без конца возмущаются, дескать, собаки мои громко лают. **Уймись уже**, сосед, говорю я ему: могли б говорить, не лаяли бы, так ведь не могут…

Зачастую реакция досады вызвана надоевшим или не одобряемым действием, которое говорящий вынужден терпеть продолжительное время (26). В примере (27) это значение выражено эксплицитно контекстом. В этом случае *аман* может выступать в составе с усилительной частицей *веќе* ‘уже’ или, чаще, ее просторечным вариантом – сербизмом *више* (28). Обычной конструкцией при выражении данного значения является также сочетание с предлогом *од* (29) или *со* (30) и существительным, называющим объект раздражения.

(26) *– Одам вечер – ѝ реков додека одевме низ паркот.*

– Каде сега?!

– За Белград.

*– **Аман** бе, Игор, прибери се малку!*

[И. Исаковски. Пливање во прашина. 2005: 210]

– Я вечером уезжаю, - сказал я ей, пока мы шли по парку.

– Куда на этот раз?

– В Белград.

– **Сколько можно**, Игорь, посиди хоть немного на месте!

(27) *Во човековата заедница, оние со*

В обществе люди с низким уров-

*ниско ниво на политичка култура ги доживуваат различните (по етничка, верска, расна или друга припадност) како зараза, инфекција, отров. Оттаму произлегуваат ставовите од типот «сè им дадовме, што уште сакаат?!», «секое трпение има граници» што има исто значење како и «доста ги трпевме». Во поблага варијанта ќе го слушнете и изразот «сакаат преку леб погача», што попрво значи «**аман**, до кога со овие барања», а и двете водат до «доста ги трпевме». Сè' заедно води или може да доведе до уште предрасуди, гетоизирање, омраза, односно до оружен конфликт или континуирани тензии и насилства.*
[М. Џабир. Дерала. Нешто како лер. Дневник. 20.11.2009]

нем политической культуры воспринимают не совпадающих с ними по этнической, религиозной, расовой или иной принадлежности, словно это зараза, инфекция, яд. Отсюда и высказывания вроде «мы все им дали, чего им еще надо?!», «всякому терпению есть предел». В мягкой форме это звучит как «а им все мало», что по сути дела означает: «**караул**, конца нет их требованиям», а это не что иное, как «довольно мы их терпели». Всё вместе ведет или может привести к еще большему предубеждению, гетоизации, ненависти, то есть к вооруженному конфликту или растущей напряженности и насилию.

(28) *Пак ли на вести ќе слушаме за Грција, за името, **аман** веќе!*
[И. Костовска. Бележник за една грчка хипокризија. Нова Македония. № 21946. 29.3.2010]

Опять в новостях нам придется слушать про Грецию, про спор о названии нашей страны, **сколько можно**!

(29) *Ехххх **аман** од фудбал, **аман** од спорт... **аман** од вашите седенки и пијанки. Па и јас сум тука... и јас сакам да те видам а не...**...камо да ти изгуби тимот за кој навиваш..... лоша сум лоша знам!!!*
[17.03.1010 Женский форум: http://forum.femina.mk/vrski/sto-bi-mu-kazale-t324/130.html]

Эхххх, **караул** от этого футбола, **караул** от этого спорта… **караул** от ваших мальчишников и пьянок. А я?… я тоже хочу тебя видеть, а не… [смайлик «молчу»]… вот бы команда, за которую ты болеешь, проиграла… да, вот такая я, злая, злая!

(30) <...> *социјалистичкиот грб е дел од нас. Местото му е во учебниците; учениците, идните генерации да си го изучуваат таков каков што е. Лично, од естетски аспект, и ништо не му фали. Вака (без ѕвездата) како некој венец за ... Велат како привремено решение до влезот во НАТО. **Аман** со привремени решенија, пак ли за 2–3 месеци (2–3 децении) ќе ги менуваме*

<…> социалистический герб – это уже часть нас. Его место – в учебниках, чтобы школьники, новые поколения знали его таким, каким он был. По-моему, с эстетической точки зрения он был совсем не плох. А теперь, без звезды, напоминает венок для… Говорят, мол, это временное решение, до вступления в НАТО. **Ох уж** эти временные решения, снова что ли

патните исправи.
[Д. Колчаровски. Грб без рбет или рбет со грб? Дневник. 14.11.2009]

через 2–3 месяца (2–3 десятилетия) нам паспорта менять!

Очень часто в современном языке *аман* в неформальной, бытовой коммуникации выражает удивление, смешанное с недоверием, чаще всего это реакция на сообщение о чем-то неприятном. Здесь тоже можно усмотреть связь со значением ‘помилуй’: говорящий как бы не хочет верить в то, что слышит, он хотел бы, чтобы это оказалось неправдой. Русские соответствия: *ой, да что ты!, не может быть!* и т.п. Ответная реплика свидетельствует о том, что говорящему требуется дополнительное подтверждение, что это действительно так (31):

(31) – *Здраво!*
– *Здраво и дупло!*
– *Што има ново?*
– *Вака и вака и вака…*
– *Молчи, бре?!*
– *Така и така и така…*
– ***Аман**, што ми кажуваш!...*
– *Ете, тоа…*
– *Море, несреќа, да е скрај од нас!...*
[П.М. Андреевски. Скакулци. 1989: 5]

– Здоро́во!
– Здоро́во-здоро́во!
– Что новенького?
– То-то и то-то и то-то…
– Ой-ой-ой!
– Так-то и так-то и так-то…
– **Не может быть,** да что ты!
– Вот так…
– Ай, беда, помилуй Бог!..

Нередко *аман* выступает в сочетании с *бе*, *бре*, образуя с ними устойчивый междометный комплекс. Эти контактивы подчеркивают ситуацию непринужденного, приятельского общения, а также дополнительно усиливают эмоциональность:

(32) Разговор с таксистом:
ОН: *Идам ја по карики за клипови коа од таму, ете ти, шлепер врти лево, нагазил, ја му свирам СТОЈ БЕ, ЕЕЕЕЈ СТООЈ!!! Он – БААП у истата врата.*

ЈА: ***Аман бе**, шо зборите*!?
ОН: *Да бе, али тоа не е све.*
[Р. Пејовиќ. Сеир (Такси). 2001: 38-39]

ОН: Еду я за уплотнительными кольцами для цилиндров, как вдруг, на́ тебе, грузовик сворачивает налево, на полном газу, я ему сигналю СТОЙ ЖЕ ТЫ, СТОЙ!!! И он – БААМ в ту же самую дверь.
Я: ***Ой, да что вы говорите**!?*
ОН: *Да, но и это еще не все.*

(33) АНАСТАЗИЈА: *Византија веќе одамна ја нема.*
ХЕЛЕН: *Како така?*

АНАСТАСИЯ: Византия уже давно не существует.
ХЕЛЕН: Как это?

АНАСТАЗИЈА: *Византија се распадна пред многу векови.*

ХЕЛЕН: ***Аман** бре?*

АНАСТАЗИЈА: *Да.*

ХЕЛЕН: *Штета.*

[Г. Стефановски. Жив човек. 2004: 95–96]

АНАСТАСИЯ: Византия погибла много веков назад.

ХЕЛЕН: **Да ты что?**

АНАСТАСИЯ: Да.

ХЕЛЕН: Какая жалость!

Впрочем, по-видимому, главное в такой коммуникативной ситуации именно удивление и неготовность сразу поверить собеседнику, это сигнал ему дополнительно подтвердить услышанный факт, а отрицательная эмоция, хотя и присутствует в большинстве примеров, не обязательна (34), и факт может даже быть радостным (35).

(34) <...> *се работи за еден вирус, којшто ги фаќа само некои луѓе, а ние не сме од тие некои.*

– ***Аман** бе!*

– *Да бе!*

[Е. Лафазановски. Романот за оружјето. 2003: 115]

<…> это вирус, который поражает лишь некоторых, а мы не эти некоторые.

– **Да что ты**?!

– Да, говорю тебе!

(35) ПОП ЈАНЧЕ: *А, велиш, и таа тебе те сака?!*

ИЛИЈА: *Ја сакам од малечок, а еве три години кај се милуваме.*

ПОП ЈАНЧЕ: (изненаден подскокнува од радост). ***Аман** бре!...* (го чука по коленото). *Како што треба!*

[Р. Крле. Антица. Пьеса впервые поставлена в 1940 г.]

ПОП ЯНЧЕ: И что, говоришь, и она тебя любит?!

ИЛИЯ: Я люблю ее с детства, и вот уже три года мы друг дружке милы.

ПОП ЯНЧЕ: (подпрыгивает от радостного удивления). **Не может быть!** (хлопает его по коленке). Вот и ладно!

В современном языке переосмыслилось и сочетание *аман господи*, которое невозможно использовать при обращении верующих к Господу. Это словосочетание фразеологизировалось и употребляется для выражения удивления, смешанного с неодобрением.

Таким образом, исследование функционирования междометия *аман* в современном македонском языке позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся как механизма заимствования междометий из языка социального престижа, так и процессов, происходящих в семантике и поведении этой единицы после

прекращения активного контакта с языком социального престижа. Заимствуется коммуникативно важная единица, необходимая для употребления в типичной ситуации отношений с иноязычной властью. Первоначально это междометие-сигнал, посылаемый от низшего к высшему в социальной или ситуативной иерархии. В результате смены социолингвистических условий происходят изменения не только в стилистической окраске, но и в значении междометия. Теперь это сигнал, посылаемый равным равному (или даже высшего к низшему), причем исключительно в ситуации непринужденного общения. Первоначальное значение архаизируется, а на его основе формируется и выходит на первый план значение, возникающее в результате своеобразной языковой игры.

Картину значений этой языковой единицы можно было бы представить следующим образом:

аман I (при множественном адресате также **аманте**) *междометие, коммуникатив-сигнал*

1. (выражение мольбы о пощаде, милости) пощади!, помилуй!, спаси!;
- характерный контекст: ***аман,*** *форма императива;* ***аман, немој да…!***;
- примеры: ***аман, не ме убивај!*** (пощади, не убивай меня!); ***аман, немој!*** (пощади, не надо!)

2. (выражение мольбы, просьбы; обычно в контексте с императивом) умоляю!, прошу!, ради Бога!
- примеры: ***аман, помогни!*** (ради Бога, помоги!)

◊ **аман заман…!** *усиление просьбы*

3. (*выражение призыва прекратить раздражающее, не одобряемое действие*) ну хватит уже!, перестань!, сколько можно!
- характерный контекст: ***аман со*** *некого/нешто,* ***аман од*** *некого/нешто*;
- примеры: ***аман со политичарите!*** (караул от этих политиков!); ***аман од тие поскапувања!*** (невозможно больше! опять подорожания!)

◊ **аман веќе!, аман више!, аман бе!, аман бре!**;

4. (*выражение недоверия с призывом подтвердить информацию*) да что ты говоришь!, не может быть!

◊ **аман бе, аман бре**

♦ **аман господи!** *междометие* Боже упаси!, Господи помилуй!

аман II *в значении существительного* милость, пощада
- характерный контекст: ***нема аман***

Литература

Асенова П. Балканско езикознание: Основни проблеми на балканския езиков съюз. В. Търново: Faber, 2002. 375 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Изд-во при Киев. гос. ун-те Издательского объединения «Вища школа», 1979. 266 с.

Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Зарубежная лингвистика. III / общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 56–73.

Десницкая А.В. О современной теории балканистических исследований // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: Наука, 1979. С. 3–15.

Јашар-Настева О. Турските елементи во јазикот и стилот на македонската народна поезија / Македонска академија на науките и уметностите. Скопје, 1987. 111 с.

Јашар-Настева О. Турските елементи во македонскиот јазик / Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Скопје, 2001. 301 с.

Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје: Кочо Рацин; Белград: Просвета, 1965. 104 с.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик: д. I, II. // Конески Б. Избрани дела во седум книги. Скопје: Култура, 1967. Т. 6. 552 с.

Нерознак В.П. Балканский языковой союз // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1991. С. 63–64.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. 494 с.

Русаков А.Ю., Соболев А.Н. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки: доклад к XIV Международному съезду славистов в Охриде, Македония. СПб.: Наука, 2008. 40 с.

Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы: изд. 2-е, доп. М.: КомКнига, 2005. 280 с.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 288 с.

Шаронов И.А. Коммуникативы и жесты: связи и взаимодействие // Московский лингвистический журнал / Рос. гос. гумантит. ун-т. М., 2004. Т. 8. № 2. С. 145–160.

Brian D.J. Borrowing at the Popular Level: Balkan Interjectional Particles of Turkish and Greek Origin // Septieme congres internacional d'etudes du Sud-Est Europeen: Rapports. Athenes, 1994. P. 507–520.

Friedman V. The Turkish Lexical Element in the Languages of the Republic of Macedonia from the Ottoman Period to Independence // Zeitschrift für Balkanologie. Vol. 32. No. 2. 1996. S. 133-150 [Электронный ресурс] URL: http://home.uchicago.edu/~vfriedm/cv.html (проверено 30.07.2011).

Словари

БТРС – Большой турецко-русский словарь: 3-е изд., стер. / Баскаков А.Н. и др. М.: Живой язык, 2006. 960 с.

БЕР – Български етимологичен речник / ред. В.И. Георгиев. София: БАН, 1971–2002. Т. 1–7. [Электронный ресурс] URL: http://promacedonia.com (проверено 30.04.2011).

РСХТ – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски; ред. Б. Конески. Скопје, 1961. Т. I. 528 с.

ТИ – Толковен речник на македонскиот јазик / Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Скопје, 2006. Т. I. 640 с.

РНП – Речник на македонската народна поезија. Скопје, 2001. Т. I. 506 с.

ЗМ – Мургоски З. Речник на македонскиот јазик / Филолошки факултет «Блаже Конески». Скопје, 2005. 948 с.

ТРС – Турецко-русский словарь / сост. Д.А. Магазаник; под ред. В.А. Гордлевского. М.: ОГИЗ, 1945. 705 с.